

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-3-54-60

УДК (UDC) 821.161.1

**Mayya M. Polekhina,
MGIMO (Moscow State Institute
of International Relations (University),
Moscow, Russia**

**Полехина Майя М.,
Московский государственный
институт международных отношений
(университет) МИД,
Москва, Россия**

**For citation: Mayya M. Polekhina., (2023)
A Documentary Novel by Sergei Belyakov
«Paris Boys in Stalin's Moscow»: the Experience of Artistic Research.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol.8, Issue 3 (2023), pp. 54-60 (in USA)**

Manuscript received: 14/09/23

Accepted for publication: 20/11/23

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН СЕРГЕЯ БЕЛЯКОВА
«ПАРИЖСКИЕ МАЛЬЧИКИ В СТАЛИНСКОЙ МОСКВЕ»: ОПЫТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**A DOCUMENTARY NOVEL BY SERGEI BELYAKOV
«PARIS BOYS IN STALIN'S MOSCOW»: THE EXPERIENCE OF
ARTISTIC RESEARCH**

Abstract:

The article deals with Sergei Belyakov's documentary novel about the tragic fates of the heroes who found themselves on the eve of the war events in Stalin's Moscow. The writer turns to the past, presenting a man in the stream of hostile time, the history of his alienation from the present and the future. The determining parameters of the new documentary novel are fragmentary and kaleidoscopic narrative, disruption of cause-and-effect relationships, non-linear structure, and emotional intensity of the text. The truthfulness of historical facts and authenticity of details are confirmed by archival documents, extracts from minutes of commission meetings, letters, notes, reports, diaries of the novel's characters. The value of the author's new documentary prose is determined by the comprehension of the characters, the study of the motives of their actions and deeds.

Keywords: Documentary novel, parameters of documentary prose, diaries, Stalinist Moscow, George Efron, Dmitry Seseman

Аннотация:

В статье рассматривается документальный роман Сергея Белякова о трагических судьбах героев, оказавшихся накануне военных событий в сталинской Москве. Писатель обращается к прошлому, представляя человека в потоке враждебного времени, историю его отчуждения от настоящего и будущего. Определяющими параметрами нового документального романа становятся фрагментарность и калейдоскопичность повествования, нарушение причинно-следственных связей, нелинейность структуры, эмоциональная насыщенность текста. Правдивость исторических фактов и достоверность деталей подтверждается архивными документами, выписками из протоколов заседаний комиссий, письмами, записками, репортажами, дневниками персонажей романа. Ценность новой документальной прозы автора определяется осмыслением характеров героев, исследованием мотивов их действий и поступков.

Ключевые слова: документальный роман, параметры документальной прозы, дневники, сталинская Москва, Георгий Эфрон, Дмитрий Сеземан

Введение

Документальный роман Сергея Белякова «Парижские мальчики в сталинской Москве» [2], получивший в 2022 году почетную национальную премию «Большая книга», обращен к трагическим судьбам молодых людей, оказавшихся в силу драматических обстоятельств в сталинской Москве. Речь идет о сыне Марины Цветаевой Георгии Эфроне и его друге Дмитрие Сеземане. Тема для Белякова неслучайная, на момент выхода книги в издательстве АСТ Елены Шубиной им была уже издана статья, посвященная Георгию Эфрону, вернее его дневникам, которые пятнадцатилетний подросток вел по возвращении семьи в предвоенную Москву 1939 года [3].

В новом произведении Белякова круг персонажей расширяется, рядом с Муром (так звали сына Цветаевой) появляется Дмитрий Сеземан, а также их московские приятели и подруги. Беляков представляет читателю трагические судьбы своих героев, складываются они по-разному: Дмитрий Сеземан, пережив все перипетии экзистенциальных потрясений, возвращается в 1976 году в Париж, проживает долгую плодотворную жизнь, занимаясь журналистикой и переводами, Мур же погибает в первые месяцы пребывания на фронте в 1944 году в возрасте девятнадцати лет.

Судьба каждого из героев предопределялась целым рядом обстоятельств: семейными ценностями, образованием, мировоззренческой позицией. Дмитрий был на три года старше Мура, трезво смотрел на жизнь, к моменту возвращения с семьей в Россию у него уже сформировалось свое мировосприятие, и в Москве он сохранял привычный для себя имидж и стиль поведения, не стеснялся своей «французскости». Мур с самого начала делал все, чтобы скорее вписаться в этот *другой*, желанный для себя мир, советский мир, искренне стараясь *чужое* сделать *своим*. Подобные устремления, как было отмечено выше, были подготовлены воспитанием, атмосферой цветаевского дома, самого его духа, отношением к советской России отца, сотрудника НКВД и сестры Ариадны [4]. Эта далекая страна, земля его предков была всегда особенной в восприятии маленького, а потом и повзрослевшего Мура, которым когда-то был принят безоговорочно наказ матери: *«Ни к городу и ни к селу —/ Езжай, мой сын, в свою страну, —/ В край — всем краям наоборот! —/ Куда назад идти — вперед/ Идти, — особенно — тебе,/ Руси не видывавшее/ Дитя мое... Мое? Ее Дитя!»* [7, т. II, с. 299].

Комментируя данный факт, Беляков погружается в историю взаимоотношений Мура со своими близкими. Наказ матери был для Мура безусловным и воспринимался как данность, данностью стал для него арест отца и Ариадны, когда они оказались в

застенках Лубянки; и даже, когда Цветаеву лишили всех средств к существованию, Мур по-прежнему считал, что так надо, все, в конечном счете, должно завершиться по справедливости. Долго пребывал в иллюзиях и Дмитрий Сеземан, усматривая в СССР «страну не только своих предков», но и «страну *построенного* социализма» [2, с. 31], которую сам Морис Торез называл подлинной родиной трудящихся. В первые месяцы пребывания в Москве парижских мальчиков многое восхищало, тогда как разговоры о голоде, грубости, чудовищной бедности и невежестве простых людей они воспринимали «буржуазной клеветой на советскую действительность» [2, с. 31].

Для понимания всей меры убежденности героев в правоте того дела, которому служили их родители, автор книги обращается к признанию Дмитрия, звучавшему искренно и с восхищением: «Особенно же ему понравилась дешевенькая пепельница из черного пластика. На ней была надпись: «Завод «Красный треугольник». Второй сорт»: «Ты посмотри! Второй сорт! Разве ты когда-нибудь видела во Франции на каком-нибудь товаре надпись «Второй сорт»? Там обязательно напишут «Первый сорт», или «Высший сорт», или «Экстра», а здесь - пожалуйста - «Второй сорт». <...> Мы наконец в стране, где не лгут, где во всём правда!» [2, с. 32].

Необходимо отметить, что страна социалистических преобразований будоражила сознание подростков еще в Париже: в семье часто говорили о стремлении советской интеллигенции к «социальной правде», к жизни по законам, спорили о демократизме справедливого советского общества. В большей степени, как писали в эмигрантских газетах, интеллигенцию занимал вопрос не о материальном благополучии общества, а о его духовно-нравственном состоянии, о совершаемом личностью этическом выборе [1, с.14]. И было очевидно, что делался этот выбор не в пользу «капиталистической борьбы за существование» [1, с.15], а в пользу ценностей коллективизма и любви к ближнему.

Теория

В рамках документального романа автор запечатлел родовое сознание молодых людей, воспитанных европейской культурой, с обостренным чувством личности, жадной жизни, максималистскими представлениями о своем особенном предназначении. «Я буду счастливым: у меня все впереди...» - вот лейтмотив дневниковых записей Мура. С самого начала он был исключительным мальчиком, об этом существует большая литература - многочисленные воспоминания и письма современников. Беляков бережно представляет, читателю этот материал, хотя необходимо отметить, что этот массив источников актуализирован уже много лет назад. Вместе с тем, автор романа старается прокомментировать каждое представленное им заявление. Подчеркивая неординарность подростка, его раннее взросление, Беляков выделяет Мура из среды сверстников: он всегда казался старше их, умнее, много читал, разбирался в политике и искусстве. Мура удивляли интересы одноклассников, в дневнике он отмечает эту особенность: «Я живу мировой политикой, мировым положением, я живу судьбами Франции и Европы; я сильно переживаю все международные события, пытаюсь объяснить их политическую и диалектическую взаимосвязь. Мои же товарищи этим всем очень мало интересуются, живут футболом и очередной плохой отметкой – они малокультурны, увлекаются пустяками, чушью... Некоторые из них зовут меня «французом». Моя судьба: во французской школе меня звали «русским», а в СССР – «французом»» [8, т. I, с. 336].

Из контекста, предлагаемого Беляковым, вытекает утверждение, что одиночество очень рано стало доминантой мироощущения Георгия Эфрона: «У меня нет «общего круга», нет среды, нет постоянного общения с людьми. Может быть, я не располагаю иметь друзей, потому что я ненавижу шаблон, банальность и не похож на других» [8, т. I, с. 19]. Внешний план изображения в книге Белякова в отдельных своих фрагментах отступает перед внутренним ракурсом авторского осмысления событий. Внимание

фиксируется на различных психологических состояниях, настроениях, рефлексии героев. Специфика конструирования внутреннего плана изображения – ассоциативные и символические образные ряды, реминисценции, аллегории, аллюзии и подтексты.

Сын поэта, Георгий Эфрон был наделен от природы литературными и художественными способностями. Он собирался стать писателем. «Основное – сохранить себя. Заниматься я могу чем угодно, лишь бы уметь самому себе создать максимум благоприятных условий для творческой жизни. Всею свое время... Нужно уметь ЖДАТЬ - и не отчаиваться. Все изменяется, все имеет временный, переходный характер» [9, т. II, с. 123].

Не скоро к нему придет понимание происходящего, полное осознание того, что это не просто *другой* мир, в котором ему предстояло жить, это *чуждый* ему мир, который никогда не станет *своим*, а свое - это любимая и навсегда оставленная героем Франция, где прошли его детство, отрочество, и где он был по-настоящему счастлив: неслучайно автор обращается к трем счастливым эпизодам детства Мура, и все они связаны с Францией. Это время обретает для героя особую значимость, но в них же звучит надежда на возможность повторения прошлого в настоящем, вера в возвращение прошлых прекрасных мгновений жизни. «...Я знаю, что эти три счастливых момента моей жизни не могут быть привилегиями моей французской жизни. И в СССР непременно произойдут радостные для меня события, переживания, которые сделают мою жизнь наполненной до краев, полноценной – такой, какую она является в наивысшем совершенстве своих проявлений» [9, т. II, с. 22].

Репрезентируя хронике событий предвоенной Москвы через воспоминания современников, их дневники, письма, художественные тексты, документы военных архивов, Беляков расширяет пространство своего повествования, представляя не просто *документальную хронику повседневности*, и даже не комментарии к дневникам Эфрона. Автор обозначает концептуально-значимые доминанты, определяющие аксиологию героев: *Москва – культура – политика – любовь*. Данные концепты становятся сюжетообразующими в трагическом сценарии книги. С одной стороны, тонкие наблюдения за повседневной жизнью и бытом предвоенного и военного города, политической жизнью других государств, прозорливый взгляд на войну и расстановку политических сил, с другой стороны, мучительные размышления молодых людей о смысле жизни, о любви и одиночестве, о внутренних движениях чувств и бесконечных рефлексиях по поводу происходящего. Как жить в этом мире в ладу и не быть его пленником? Этот вопрос задается бесчисленное количество раз героями книги Сергея Белякова. В Дневнике Георгия Эфрона от 15 октября 1941 года сохранилась запись: «Писать, чувствовать и мыслить, пока еще есть время, о несравненное наслаждение! Еще, еще один час, еще один выигранный день...» [9, т. II, с. 45].

Советская Россия представлялась героям документального романа «мировым проектом», страной свободного человека, воплощением истинных ценностей. О встрече с такой страной Мур мечтал, о такой стране он много слышал из уст отца и Ариадны. Беляков представляет Москву накануне войны преуспевающим европейским городом с прекрасной инфраструктурой - парками, стадионами, театрами, концертными залами, ресторанами, библиотеками и читальными залами. Москва видится читателям романа Белякова «витриной сталинского режима». Помпезность вывесок и собраний, бесконечные фейерверки, шумные рестораны с изысканной дорогой едой, многолюдные футбольные матчи, роскошные автомобили... Читателю в этих описаниях видится некоторая избыточность подробностей и деталей, за внешней стороной документальной хроники утрачивается глубина трагедии основных субъектов повествования – с взрослением и мужанием характеров разрушаются их прежние связи, привязанности, девальвируются ценности – представления о *родине, семье, вере*. Дневники Георгия Эфрона обретают в книге не только исповедальный характер,

являясь способом самовыражения и самопознания героя, но и образчиком его самовоспитания и самообороны – от среды и страшного мира [5].

Концептуально важное значение Беляков придает судьбам героев уже самим названием документального романа, предопределив *трагедию неосуществленности* через пространственно-временной дискурс повествования. «Парижские мальчишки», оказавшись в чуждом для себя пространстве, очень рано познали трагедию разрушения подлинных ценностей: *семьи, дома, веры*. «С некоторого времени ощущение, меня доминирующее, стало распад. Распад моральных ценностей. Тесно связанный с распадом ценностей материального порядка. Процесс распада всех без исключения моральных ценностей начался у меня по-настоящему еще в детстве, когда я увидел семью в разладе, в ругани, без объединения. Семьи не было, был ничем не связанный коллектив. Распад семьи начался с разногласий между матерью и сестрой, - сестра переехала жить одна, а потом распад семьи усилился отъездом сестры в СССР. Распад семьи был не только в антагонизме – очень остром – матери и сестры, но и в антагонизме матери и отца. Распад был еще в том, что отец и мать оказывали на меня совершенно различные влияния, и вместо того, чтобы им подчиняться, я шел своей дорогой, пробиваясь сквозь педагогические разногласия и идеологический сумбур» [9, т. II, с. 45].

По возвращении в Россию Георгий Эфрон тяготился своим положением, пытался анализировать свое отчуждение от сверстников, искал причины, и, безусловно, видел их в своем происхождении и воспитании: «Естественно, никакой среды, где бы я мог свободно вращаться, не было. Эмигрантов я не любил, потому что говорили они о старом, были неряшливы и не хотели смотреть на факты в глаза, с «возвращенцами» не общался, потому что они вечно заняты были «делами». Процесс распада продолжался пребыванием моим в католической школе Маяра в Кламаре. С учениками этой школы я ничем не был связан, и хотя меня никто не третировал, но законно давали ощущать, что я – не «свой», из-за того, что русский и вдобавок коммунистической окраски» [8, т. I, с. 452]. Какое-то время Эфрон посещал православную церковь и даже выполнял ритуальные церемонии – причащался, говел, но и это не затрагивало его души. Как он отмечает в дневнике: «церковь не переносил», в конечном счете, «все моральные – так называемые объективные – ценности летели к чорту... Понятие семьи – постепенно уходило. Религия – перестала существовать» [8, т. I, с. 452].

Субъективное время героя как ценностный ориентир отступает в дневниках Георгия Эфрона на второй план, первостепенное значение обретает событийное время русской и мировой истории. Человеческая жизнь, судьба приносились в жертву чудовищному Молоху. Чужое пространство становилось все более враждебным, неприятие возрастало: «Каждый день мать бывает в Литфонде, каждый день там новые решения, обращающиеся тотчас же в пух и прах. Там царит несусветный хаос и кавардак. Все почему-то – из интеллигенции – несусветно боятся бомбежки, все сделались психопатами. В Литфонде – неразбериха приказов, распоряжений, контрприказов, всё каждоминутно отменяется, проваливается... Совершенно ничего нет достоверного – только зыбкость, всюду обещания постараться, но ни от кого ничего не зависит. Каждый хочет куда-то уехать, каждый старается протаскать «своих», некоторые плачут... Литфонд – сплошной карусель не совершившихся отъездов, отменяемых планов, приказов ЦК, разговоров с Панферовым и Асеевым и Фединым. Все это дает ощущение бреда» [9, т. II, с. 475].

В Дневниках Георгия Эфрона проскальзывает важное наблюдение: несоответствие характера творчества знакомых ему писателей и их жизни: с одной стороны, прославление сурового труда, ненависть к буржуазии и т.д., а с другой – идеалы жизни, тождественные с устремлениями капиталистов: хорошая выпивка, хороший обед, хорошая квартира. Впечатления от общения с интеллигенцией удручающие: много пьют, много говорят. Любят вспоминать о недавнем довоенном прошлом. «Интеллигенция советская удивительна своей неустойчивостью,

способностью к панике, животному страху перед действительностью. Огромное большинство вешает носы при ухудшении военного положения. Все они вскормлены советской властью, все они от нее получают деньги – без нее они почти наверняка никогда бы не жили так, как живут сейчас. И вот они боятся, как бы ранения, ей нанесенные, не коснулись и их. Все боятся за себя...» [9, т. II, с. 137]. И здесь же, в Дневнике № 16 от 16 мая 1943 года: «Эх, жизнь. О Боже, Боже, как все надоело и опротивело. Надоела и опротивела школа: все те же лица, те же шутки, те же отупляющие скучнейшие предметы и те же дубины-учителя. Надоела улица – вульгарная и крикливая. Надоело и опротивело собственное «я», без руля и без ветрил, злое и пессимистическое. Надоела грязь, надоели голод и безденежье. Все – противно, от всего тошнит; вот уж буквально ТОШНОТА» [9, т. II, с. 231]. И здесь же «Я живу в предчувствии катастроф» [9, т. II, с. 231].

Заключение

Документальный роман Белякова максимально приближает читателя к авторской интерпретации действительности, предлагая разные способы прочтения реальности. Открывая новые пласты трансляций пространственно-временных локусов, Беляков выбирает особый ракурс изображения. Писатель обращается к прошлому, представляя человека в потоке враждебного времени, исследуя историю его отчуждения от настоящего и будущего. Исповедь о себе и для себя в дневниках героя рассматривается Беляковым как открытая, просматривающаяся сквозь «моносубъектность» повествования исповедь о себе для других, когда каждый день воспринимался днем, выигранным у судьбы. Безусловной ценностью в обесцененном мире остается личность, как основа и мера всех вещей. Особенное значение обретал диалог человека со своей совестью, своим внутренним я, актуализированный через поиск истинных ценностей, духовный труд ежедневного исповедания: покаяния и самооправдания [5]. В этом видится новый подход документальной прозы к воспроизведению действительности. История человеческих судеб придает тексту особые жанровые характеристики, проявляющиеся на уровне формы и содержания. Документальная проза Белякова ориентирована на активного субъекта восприятия, на его реальное присутствие, коммуникацию, взывание к памяти, ответную реакцию на изображаемое, уверенность в правдивости сказанного. Определяющими параметрами нового документального романа становятся фрагментарность и калейдоскопичность повествования, нарушение причинно-следственных связей, нелинейность структуры, эмоциональная насыщенность текста. Правдивость исторических фактов и достоверность деталей подтверждается архивными документами, выписками из протоколов заседаний комиссий, письмами, репортажами, дневниками персонажей романа. Ориентация на подлинность фактов как будто не предусматривает каких бы то ни было специальных комментариев, но вместе с тем Беляков не игнорирует их, комментируя и интерпретируя, а иногда специально расцвечивая отдельные сцены и фрагменты. Ценность новой документальной прозы автора определяется осмыслением характеров героев, исследованием мотивов их действий и поступков. Актуальным остается вопрос об исторической и личной правде. Факты отдельных человеческих судеб в силу их особой психологической насыщенности преодолевают рамки конкретных исторических событий, локализованных во времени, и становятся фактами универсального духовного значения [6, с. 89].

References:

1. Antoshin A.V., Antoshin V.A. «Chelovek cheloveku - sotrudnik»: russkie emigranty o stalinskom SSSR v 1940-e gg. / Diskussiya. 2014. №5 (46). S. 12-19.
2. Belyakov S.S. Georgij Efron i problema identichnosti: ot «sovetskogo cheloveka» k «vnutrennemu emigrantu» // Rossijskij chelovek v "razlome epoh": quo vadis? Materialy

- XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta. Ekaterinburg 26–27 aprelya 2012 goda. Tom 1. S. 553 -557.
3. Belyakov S. Parizhskie mal'chiki v stalinskoj Moskve: dokumental'nyj roman / Sergej Belyakov. Moskva : Izd-vo ATS : Redakciya Eleny SHubinoj, 2022. 668 s.
  4. Malygina N.M. Dve Moskvy Georgiya Efrona: obraz stolicy v ego dnevnikaх/ Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature. Moskva v sud'be i tvorcestve russkih pisatelej. Sbornik nauchnyh statej. Moskva, 2015. S. 78 - 95.
  5. Polekhina M.M. Tragediya «byta i bytiya»: svidetel'stva Georgiya Efrona /Fenomen povsednevnosti: gumanitarnye issledovaniya. Filosofiya. Kul'turologiya. Istorija. Filologiya. Iskusstvoznanie. Materialy H mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Pushkinskie chteniya - 2005». Red.-sost. I.A. Mankevich. SPb, 2005. S.115-125.
  6. Romanova S.V. Istoricheskie predposylki stanovleniya hudozhestvenno-dokumental'nogo metazhanra v sovremennoj russkojazyčnoj proze Belarusi / Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2020. Tom I. №1. S.75-89.
  7. Cvetaeva Marina. Sobr. Soch. v 7 tomah. M.: Ellis Lak, 1994. T. 2. 591 s.
  8. Efron Georgij. Dnevnik. V dvuh tomah. Tom 1 /Podgot. teksta, predisl., primech. E. Korkinoj, V. Losskoj. M.: Vagrius, 2004. 560 s.
  9. Efron Georgij. Dnevnik. V dvuh tomah. Tom 2 /Podgot. teksta, predisl., primech. E. Korkinoj, V. Losskoj. M.: Vagrius, 2004. 368 s.

Information about the author:

Polekhina Mayya Mudarrisovna (Moscow, Russia) – doctor of philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation studies MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University), 3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, 143007, Russia).

Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, mythopoetics, conceptology, hermeneutics, methodology of scientific research, philological analysis of the text, rhetoric, speech culture, business communication, Russian as a foreign language and methods of teaching.

E-mail: illusio2008@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1225-8194

Publications:

Polekhina M.M., Avtorskie konnotacii M. Tsvetaevoj v konceptualnoj kartine mira cheshskogo perioda [v]: Literatura russkoj emigracii, Olomouc 2016, c. 143-154;

Polekhina M.M., Poetic thanatology in the discourse of art creativity of M. Tsvetaeva and V. Mayakovsky [v]: «Cross - Cultural Studies: Education and Science» 2018, № 2, c. 50-63.

Polekhina M.M., Teffi [v]: Russkie pisateli. 1800-1917. Biograficheskij slovar. Moscow; Sankt-Peterburg 2019, c. 346 - 350. etc., было бы ясно, что он сейчас завоет»? А

Acknowledgements:

The author expresses gratitude to the reviewers.

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*